

УДК 159.9.01(075.8)

В. А. ПОЛИКАРПОВ,

доцент кафедры психологии, канд. психол. наук
Государственное учреждение образования
«Академия последипломного образования»,
г. Минск, Беларусь

ФЕНОМЕНАЛИЗАЦИЯ В СТРУКТУРЕ МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье представлена феноменологическая концепция мышления, разработанная на основе эмпирических психологических исследований и психологического анализа существующих теорий. Рассматриваются процесс кодирования информации языками мышления, их взаимодействие в феноменах дискурсивного мышления и интуиции.

Мы исходим из принятого в отечественной психологии понимания мышления как ориентировочной деятельности человека, как определяющего свойства личности, являющейся внутренним моментом деятельности. Мышление — это субъективный процесс, в котором личность как субъект деятельности моделирует эту деятельность, антиципируя ее результат, и уже потом переносит его в практику. Мышление является предпосылкой любой деятельности, как любая деятельность в конечном итоге есть его развернутый и проработанный итог. Ориентируя субъекта в действительности, мышление, таким образом, выполняет исходную, ведущую роль в деятельности.

В процессе объективной деятельности субъект вступает во взаимодействие с продуктом (термин, взятый К. Мегрелидзе в своих работах К. Маркса). Это есть основное условие возникновения и существования сознания.

Всякий продукт как предмет, произведенный в обществе, означает в себя нечто объективированное в нем — способность удовлетворять ту или иную потребность человека, а также нечто объективированное — его цель, скрытый в нем смысл, без осознания которого продукт не может быть потреблен. Наличие этой, постоянно существующей, необходимости осознания субъективных качеств продукта и есть та «...великая сила, содействующая развитию и расширению сферы сознания» [1].

Как было сказано, в процессе деятельности, т. е. оперирования с продуктами (а точнее — потребления и производства продуктов), субъект постоянно моделирует ее. В этой субъективной модели деятельности субъективными образами продуктов выступают идеи. Нетрудно видеть, что если мышление — это внутренняя ориентировочная деятельность человека, внутреннее моделирование объективной деятельности, то в мышлении должно сохраняться то же отношение субъекта к идеям — субъективным символам продуктов, что и в реальной жизни к самим продуктам. Или, подтверждая это словами Л. С. Выготского, «мышление — это интериоризованная деятельность», т. е. деятельность, но совершающаяся «внутри», в сознании человека, при сохранении тех же законов и закономерностей¹. Тогда можно отыскать, очевидно, в мышлении тот же процесс, без которого невозможна объективная деятельность. Это процесс отчуждения. Без отчуждения деятельность субъекта в обществе (т. е. человеческая деятельность, она же создающая человека) невозможна. Лишь после отчуждения и противопоставления предмета может начаться обычное взаимодействие субъекта с ним. Только после отчуждения предмет, приобрета для себя все свои свойства, подвергается анализу — выявлению

¹ Чтобы не создалось впечатление механического перенесения объективной «внешней» деятельности во внутреннюю субъективную (мышление — сознание), подчеркнем еще раз, что речь идет только о перенесении законов и закономерностей ее. Применяя термин «интериоризованная деятельность», мы имеем в виду лишь то, что мышление — это ориентировочная деятельность, что это идеальная деятельность, предваряющая реальную, но ни в коем случае не ее происхождение, не то, что интериоризовалась из внешней. В процессе превращения первобытного стада в человеческий коллектив, вызванного совместной трудовой деятельностью его членов, мышление индивида и его «человеческая» коллективная деятельность формировались одновременно и являлись необходимыми условиями возникновения, существования и развития друг друга. В этом смысле мышление — это такая же интериоризованная деятельность, как деятельность — экстерииоризованное мышление. Но если рассматривать процесс лишь в одном направлении, остановившись на мышлении как на результате этого взаимодействия, то утверждение «мышление — это интериоризованная деятельность» получит право на существование.

его положительных и отрицательных качеств, сравнению с другими предметами, синтезу — его общей оценке.

Мышление не ограничивается взаимодействием субъекта с реальными предметами. На уровне идей, как уже подчеркивалось, существует то же отношение субъекта к модели продукта, что в реальной жизни к продукту. Ф. В. Бассин в книге «Проблемы бытия сознательного» пишет, что идея лишь тогда может быть осознана, когда она ясно противопоставляется «Я» субъекта [2]. Т. е. в процессе внутреннего моделирования какая-либо новая идея лишь тогда может быть проанализирована и правильно оценена, когда она как бы выносится вовне, субъективно противопоставляется интеллекту, отчуждается, внутренне феноменализуется², т. е. становится доступной всем формам восприятия.

Этим феноменализатором идей является речь³. Речь выступает как познавательное отношение к предмету. Когда я проговариваю про себя мысль, т. е. выражаю ее в языке, я как бы делаю ее внешне зримой, доступной восприятию и анализу. В этом кроется секрет так называемого мысленного диалога. Диалог нужен для удобства феноменализации⁴ идей. Пока проговаривается одна фраза диалога, где-то в глубинах сознания лихорадочно ищется на нее ответ (возражение, подтверждение), и он уже появляется перед нами в виде новой фразы.

Здесь мышление предстает перед нами как процесс. В этой связи пишут о самодетерминации процесса мышления. «Мышление существует как процесс, потому что на каждом этапе взаимодействия субъекта с познаваемым объектом последний выступает в новых качествах, поскольку он включается во все новые и существенные для него связи и отношения» [3, с. 59]. В этом — условие

² Термин «феноменализация» образован от категории «феноменологической философии», означающий все, «...что может быть предметом возможного опыта, ... и в чем обнаруживаются отношения».

³ Здесь речь — как процесс пользования словесным языком. Выделяют еще второй язык мышления — конкретно-образный. Его роль в феноменализации, а также место относительно словесного языка будут рассмотрены ниже.

⁴ В дальнейшем под феноменализацией будем понимать именно этот процесс отчуждения, присутствующий в мышлении.

самодетерминации мышления, что и делает его, собственно, процессом. Здесь мы имеем исходную теоретическую позицию для изучения мышления как процесса. Но как конкретно осуществляется самодетерминация мышления? И конкретно какую роль играет в этом процессе феномен речи?

Процесс анализа через синтез, который составляет мышление, реально разбивает его на отдельные этапы. Отдельные поэтапные выводы, предположения, дополнительные факты и т. п. постоянно феноменализуются, как бы противопоставляются всему интеллекту и тем самым влияют на дальнейший ход мыслительного процесса. Так до полного решения. Не случайно специальные наблюдения в ходе психологических экспериментов показывают, что некоторые школьники, и даже взрослые, часто испытывают трудности в процессе решения задачи, пока не сформулируют свои рассуждения вслух. Такое формулирование, закрепление, фиксирование мысли в словах помогают задержать внимание на различных моментах и частях этой мысли и способствуют более глубокому пониманию. Мысль всегда опосредствована действием, и в этом случае таким действием оказывается речь.

Замеченная и обобщенная в упомянутых экспериментах особенность является, очевидно, отражением одной из основных закономерностей мышления, которое вообще не может протекать без такого формулирования, закрепления, фиксирования мысли, которое помогает задержать внимание на различных моментах и частях мысли и способствует более глубокому пониманию. Существование механизма феноменализации есть основное условие реализации этой закономерности.

Итак, главная цель феноменализации, из которой как следствие вытекает и функция детерминации, — это превращение мыслей во внутреннюю реальность, их объективация, то, что позволяет человеку подвергать их анализу как вне его лежащий объект. Но тогда всякое новое речевое воплощение мысли, всякая новая феноменализация, являясь лишь опорным моментом мышления, есть результат каких-то процессов, протекающих в момент совершения предыдущей феноменализации.

Можно предположить, что они (эти процессы), будучи не выраженными в содержании языковых посылок, включают в себя

некий скрытый процесс, неосознаваемый компонент. Говоря об этих процессах, протекающих параллельно феноменализации (и за ней), позволяет хотя бы факт появляющихся в ходе мыслительной деятельности в феноменализаторе результатов, часто логически никак не связанных с предыдущими. Что это за процессы? Что представляет собой их неосознаваемый компонент?

Прежде чем перейти к поискам ответов на эти вопросы, уделите немного внимания проблеме существования второго языка мышления и его взаимодействия со словесным языком. Приведем рассуждения Уолтера Р. Рейтмана (английского психолога и лингвиста) относительно второго языка мышления, изложенные в его книге «Познание и мышление».

У. Рейтман основывается на выводах биолога Саймона о том, что когда возникают новые органы, они действуют с помощью уже существующих органов, изменяя и приспособлявая, но не разрушая их, и на работах Сперри, доказавшего справедливость этого правила и для речи. Исходя из этого, У. Рейтман считает, что «...информационные процессы человека (мышление рассматривается в свете теории информации) основаны на восприятии, причем слова и язык воздействуют на основную перцептуальную систему» [4, с. 328]. «Мы описываем мир и реагируем на его словесные описания, вызывая из памяти, конструируя и преобразуя восприятия» [5, с. 328]. Иными словами, речевое мышление всегда сопровождается какими-то неречевыми процессами, основанными на элементах восприятий — образах. «Весьма вероятно, что человеческое мышление в значительной части использует зафиксированные в виде восприятий познавательные элементы, а также процессы для оперирования с ними, причем даже в тех случаях, когда речь идет о так называемых абстрактных понятиях» [6, с. 328]. Речевая феноменализация дополняется процессами, которые обязательно должны соответствовать по структуре своему «внутреннему языку» структуре языка словесного.

У. Рейтман дает нам направление поиска. Существует второй язык мышления, не связанный с известными логическими схемами. Он основан на более древних структурах мозга и играет очень важную роль в мыслительной деятельности. Иногда работы этого языка даже объясняют то, что «в логической форме решения» фор-

мулируется после того, как психологически оно уже найдено» [7, с. 182]. Проблема существования второго языка привлекала и привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых.⁵ В. Н. Пушкин, например, в книге «Психология и кибернетика» пишет: «Можно выделить по крайней мере два компонента мыслительной деятельности» [8, с. 175], «...имеются два языка...один язык (назовем его условно Ls) состоит из символов и связей между ними» [9, с. 175]. Это «фиксированный логический язык». «Основой функционирования логического языка являются готовые высказывания» [10, с. 173]. Другой язык состоит из заменителей предметов внешнего мира и знаков, позволяющих внутри субъекта построить аналог статистической системы, в пределах которой могут осуществляться символические перемещения заменителей элементов [11, с. 173]. В. Н. Пушкин называет этот язык языком Lm.

Я. А. Пономарев просто пишет о психической форме отражения, в отличие от сознательной (языковой). Но и у него специфически психической формой отражения является образ (модель — образ), в то время как формой сознания — «...вторичные модели действительности, построенные при участии речи... В гносеологическом аспекте эти модели выступают как понятия, суждения, умозаключения» [12, с. 196]. И всякая вторичная модель является двойственной — она включает базальный компонент, где элементами модели являются изображения, и надстроечный компонент со знаками в роли элементов модели. Причем функционирование надстроечного компонента всегда опосредствовано базальной частью при нормальной психической деятельности человека.

Л. М. Веккер, автор большого труда «Психические процессы», также считает образ «...необходимым компонентом мыслительных процессов» [13, с. 10]. Он тоже выделяет два языка мышления, которые носят у него названия: «символически — операторный язык речевых сигналов» и «язык пространственно-временных структур». Вслед за У. Рейтманом Л. М. Веккер считает второй язык генетически предшествующим первому [14, с. 132] и непосредственным участником всех мыслительных операций. «Обе формы отображения составляют необходимые компоненты собст-

⁵Из зарубежных можно назвать работы Дж. Брунера, Д. Миллера.

венной внутренней структуры мыслительного процесса как такового, а организация и динамика последнего реализуется именно в ходе непрерывного взаимодействия этих обеих форм» [15, с. 132]. Без второго языка мышление невозможно [16, с. 158].

Итак, выделяется второй язык мышления. Он свободен от логики и не соответствует структуре словесного языка (Рейтман), на котором всегда, в конечном итоге, выражается результат мышления.

В соответствии с этим трудно согласиться с авторами, возводящими второму языку мышления второстепенную роль. Изучение кодирования мысли неречевыми структурами, мы имеем дело с активно участвующим в мышлении и постоянно присутствующим в сознании (в качестве фона, или в качестве актуализированного представления) образным компонентом, который играет в мышлении такую же роль *феноменализации*, как и речь. Наряду с речью, с использованием мышлением словесного языка, для феноменализации точно так же, как феноменализатор, используется чувственный образ. Признается несомненное значение образной феноменализации даже для абстрактных наук.

Нельзя, разумеется, признать, что оба вида феноменализации играют одинаковую роль. Если бы так было, не было бы необходимости в существовании одновременно обеих форм. Очевидно, оба компонента, имея равное значение необходимости для мышления, взаимодополняют друг друга, выполняя в ходе процесса мышления различные функции. Их различия, прежде всего, следует искать в особенностях кодирования информации. Большинство авторов, затронувших в своих исследованиях проблему двух языков мышления, различают следующие, противостоящие и взаимодополняющие, особенности кодирования информации названными языками.

Вербально-логический язык сложился, прежде всего, как средство коммуникации, т. е. как средство передачи мысли от одного субъекта к другому. В соответствии с этим главные требования, предъявляемые к основанным на нем смысловым конструкциям, — это требования, предъявляемые к коммуникации, — доступность и убедительность. Поэтому структуры вербально-логического языка все время содержат в себе как бы готовую мысль, результаты которых

то предшествующих рассуждений (можно и языковых, но все время результат, даже в первой посылке). На языке Ls удобно обозначить уже установленные связи между элементами, т. е. свойства этих элементов, которые были обнаружены ранее. Каждая словесная посылка, возникающая в процессе конкретной мыслительной деятельности (рассуждения), как бы метит собой тот уровень анализа, который уже достигнут мышлением. Она и есть итог, предшествующий аналитико-синтетической деятельности, и условие ее дальнейшего саморазвития. Кроме того, она всегда стремится соотноситься с логикой (оказаться частью какой-то общей логической конструкции, намечающейся в рассуждении), так как соблюдение принципов логики есть условие обоснованности и доказанности.

В процессе решения какой-то проблемы (задачи) существует информация о результатах решения и информации о плане. Иной информации нет и не может быть (в ней просто нет надобности). Если информация о результатах решения, в силу ее специфики, фиксируется словесным языком, то информация о плане — конкретно-образным. Конкретно-образный язык может также участвовать в фиксировании информации о результатах. Словесный же язык в ходе решения никак не фиксирует информацию о плане. Лишь после нахождения конечного результата на нем может быть сформулирован план. Но это всегда бывает только ретроспективно.

Таким образом, конкретно-образный язык выступает орудием активного начала, с помощью которого в данной конкретной ситуации формируется новая, заранее не заданная логическая схема. Это возможно потому, что он позволяет воссоздать саму динамику установления связей, процесс выявления свойств и признаков элементов среды. Делая «зримой» логику рассуждений, он как бы позволяет «увидеть» план решения. Фиксируя т. н. инвербализованную информацию, ту, которая не подлежит коммуникации, конкретно-образный язык свободен от ее (коммуникации) требований. Поэтому он представляет неограниченные возможности для феноменализации. Он дает возможность мышлению обходиться без развернутых словесных умозаключений, феноменализуя практически любой оборот мысли. (Очевидно, именно это дало повод говорить о «свернутом восприятии» в случае интуиции).

Оба языка используются в мышлении одновременно. «Разные типы содержания мышления (образное, символическое и т. д.)... в живом мыслительном процессе никогда не бывают дисъюнктивно отделены друг от друга. В любом, даже абстрактном мышлении всегда сохраняются или развиваются генетические связи с чувственным содержанием, выступающим в виде обобщенных образных представлений, интуитивных схем и т. д.» [17, с. 75].

Мы предполагаем, что в каждый отдельный момент мышления параллельно существует двойное кодирование информации. Сама же мысль одновременно существует как в языковом, так и в образном оформлении. Было сказано о различии в особенностях кодирования информации речевыми и образными структурами. В каждый отдельный момент мышления актуальным может быть только одно воплощение мысли. В этом случае та же мысль, закодированная параллельно второй структурой, остается на положении фона. Причем фон существует вне фокуса сознания, как полусознательно. В данный момент при оживлении в фокусе сознания одной формы феноменализации его как бы нет, но в следующее мгновение его можно «вспомнить» и сказать, что он был. Тогда он уже займет доминирующее место в сознании.

Говоря о движении феноменализации, можно различать сознательно образ (носитель смысла) и его значение (смысл)⁶. Значение (смысл) не может существовать для субъекта вне образа (носителя). Однако образ может существовать для субъекта вне смысла. Просто как образ. Известно, что когда человек перестает понимать смысл слов, он начинает замечать сами слова.

Теоретически можно предположить, что в каждый отдельный момент мышления неактуализированное воплощение мысли, находящееся на положении фона, существует только как образ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мегрелидзе, К. Основные проблемы социологии мышления / К. Мегрелидзе. — М., 1972.
2. Бассин, Ф. В. Проблемы бессознательного / Ф. В. Бассин. — М., 1972.

⁶ В данном случае слово — тоже образ.

3. Брушлинский, А. В. Психология мышления и кибернетика / А. В. Брушлинский, — М., 1972.
4. Рейтман, У. Познание и мышление / У. Рейтман. — М., 1968.
5. Там же.
6. Там же.
7. Пономарёв, Я. А. Психика и интуиция / Я. А. Пономарёв. — М., 2010.
8. Пушкин, В. Н. Психология и кибернетика / В. Н. Пушкин. — М., 1971.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Пономарёв, Я. А. Психика и интуиция / Я. А. Пономарёв. — М., 2010.
13. Веккер, Л. М. Психика и реальность : единая теория психических процессов / Л. М. Веккер. — М., 2000.
14. Там же. С. 132.
15. Там же. С. 132.
16. Там же. С. 152.
17. Брушлинский, А. В. Мышление и прогнозирование / А. В. Брушлинский. — М., 1979.

Материал поступил в редколлегию 23.06.11.

V. A. POLIKARPOV,
Associate Professor, Doctor of Psychology, Department of Psychology
State educational establishment «Academy of Postgraduate Education»,
Minsk, Belarus

PHENOMENALISATION IN THE STRUCTURE OF THE THINKING PROCESS

Summary

The article presents a phenomenological concept of thinking, developed on the basis of empirical psychological research and psychological analysis of existing theories. The process of encoding information in different languages of thought and their interaction in the phenomenon of discursive thinking and intuition are considered.